ОТЗЫВ

на диссертацию Бадмаева Андрея Андреевича «Традиционная культура жизнеобеспечения бурят: генезис, эволюция, трансформация», представленную к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология

В современном российском обществе отчетливо проявляется тенденция обращения народов его составляющих к собственным традициям, возвращения в современную культуру этноса элементов традиционной культуры, в том числе и традиционной культуры жизнеобеспечения. Последняя, являясь результатом сложного процесса адаптации этноса к условиям среды обитания, содержит обширную информацию об основных этапах его становления, развития, взаимодействия с иноэтничным окружением. Все это определяет несомненную актуальность диссертационного исследования А.А. Бадмаева.

Новизна диссертационного исследования А.А. Бадмаева бесспорна. Оно представляет первое монографическое изучение культуры жизнеобеспечения бурят XVIII–XIX вв. В нем, на основе широкого круга письменных и вещественных источников, в том числе полевых материалов, собранных автором, впервые решаются вопросы генезиса, эволюции и трансформации культуры жизнеобеспечения бурят, выявляются механизмы межкультурного взаимодействия народов Байкальского региона.

Констатируя теоретическую значимость исследования, которая заключается в постановке и решении проблем генезиса, эволюции и трансформации традиционной культуры жизнеобеспечения, в разработке подходов к осмыслению проблем адаптации к внешним вызовам, мы с удовлетворением отмечаем и высокую практическую значимость работы. Она, без сомнения, будет востребована при изучении традиционной культуры бурят, подготовке исследований по истории и этнографии народов Сибири и Центральной Азии, в музейной и просветительской работе.

На защиту автором вынесено семь положений, каждое из которых обосновывается в диссертации на основании широкого круга разноплановых

источников. Основательность подхода А.А. Бадмаева к проработке большинства затронутых аспектов заявленной темы свидетельствует о научном профессионализме. Достоверность основных выводов и результата диссертационного исследования не вызывают сомнения и подтверждаются как корректным использованием научных подходов и методов, так и весьма представительной источниковой базой.

Структура диссертации, на наш взгляд, логична, последовательна и полностью соответствует требованиям квалификационной работы. Она состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложения. Объем используемой и представленной в диссертации информации свидетельствует о тщательной работе с литературой и источниками. Обширное приложение включает таблицы, архивные документы, иллюстрации, характеристику бурятской кухни, глоссарий, список информаторов и список сокращений.

В соответствии с требованиями во введении убедительно обоснована актуальность темы, новизна, цель и задачи, объект и предмет исследования. Здесь же определены территориальные и хронологические рамки работы, дана исчерпывающая характеристика степени научной разработанности темы, методологии и методики исследования, его источниковой базы.

Диссертанту в полной мере удалось реализовать поставленные в исследовании цель и задачи, что нашло отражение в структуре диссертации, а также логичности и аргументированности выводов.

При безусловном принятии положений исследования и его общей положительной оценки заметим, что диссертация А.А. Бадмаева не свободна от некоторых неясностей и спорных вопросов, что вполне объяснимо для работы столь значительного масштаба.

На наш взгляд, в части 3 главы I рассмотрение культуры жизнеобеспечения бурят в XVIII веке следовало бы провести по тем территориальным группам, что выделены в главах II и III. Это, как представляется, не только облегчило бы восприятие весьма обширного и разнообразного материала, но и позволило бы увидеть те изменения

в жизнеобеспечении, что произошли у разных территориальных групп бурят в первой половине XIX в. Отметим также, что отсутствие иллюстраций к главе I затрудняет проверку выдвигаемых диссертантом положений.

В главе II по территориальным группам в диссертации рассматривается система расселения бурят, жилища и хозяйственные постройки, система питания. В главе III по территориальным группам рассматривается развитие сети бурятских поселений, типов усадеб и жилищ, система питания и костюмный комплекс. Причем, если в главе II четыре территориальные группы, то в главе III их пять, добавляется Восточное Присаянье. Такая непоследовательность вряд ли облегчает восприятие трансформаций.

Позволю не согласиться с утверждением А.А. Бадмаева об «отсутствие, начиная с VI в., ощутимых изменений в среде обитания» населения Юго-Восточной Сибири (с. 66). Данные палеоклиматологии говорят о неоднократных и довольно значительных как глобальных, так и локальных ландшафтно-климатических трансформациях в Северной Евразии на протяжении последних полутора тысячелетий (см. например работу В.В. Клименко «Климат и история в средние века» 2003 года).

Не можем мы согласиться и с утверждением диссертанта о том, что предтечу переносного жилища с войлочной покрышкой «можно увидеть в конических жердевых сооружениях ранних восточно-европейских кочевников (например, скифов), которые через центрально-азиатских номадов попали к далеким предкам бурят» (с. 70; см. также с. 161). Археологические данные говорят о том, что инновации в материальной культуре, связанные с кочевым скотоводством, распространялись с востока на запад и практически никогда в обратном направлении. На наш взгляд, истоки таких жилищ надо искать в скотоводческих культурах Внутренней Азии.

Спорным является и утверждение о том, что с зарождением и развитием скотоводства в Юго-Восточной Сибири появляются такие способы консервации мяса как вяление и замораживание (с. 83–84). На наш взгляд, эти способы применялись задолго до появления у населения Сибири производящего хозяйства.

Бадмаев А.А. видит причину падения значения земледелия в экономике Юго-Восточной Сибири монгольского периода в росте скотоводческого населения и «прекращении ранее имевшего место государственного протекционизма в земледельческой отрасли» (с. 85). Как представляется, немаловажное значение имело и изменение климатических условий – начало малого ледникового периода, что значительно уменьшило возможности земледелия в Сибири.

Вызывает сомнение тезис о том, что срубные юрты могли принадлежать кочевому и полукочевому населению, а войлочные – полукочевому и полуоседлому (с. 94). Тем более, что в дальнейшем диссертант неоднократно связывает войлочную юрту с кочевыми группами бурят (с. 97, 99 и др.).

По нашему мнению, вряд ли расположение зимников у бурят XVIII века, сохранявших практику сезонных перекочевок, было обусловлено доступностью строительных материалов и близостью охотничьих угодий (с. 104). Для скотоводческого хозяйства важна, прежде всего, возможность зимнего выпаса скота. Это как раз и дают, помимо защиты скота от неблагоприятных погодных условий, склоны гор с невысоким снежным покровом, особенно защищенные лесом от господствующих зимних ветров.

Требует, как представляется, уточнение утверждение А.А. Бадмаева о причинах перехода к сезонным перекочевкам. Так, по его мнению, дефицит пастбищных угодий привел к переходу в первой половине XIX века части селенгинских бурят «к кочевкам, длившимся с осени до лета, во время которых совершалось 10–20 и более переездов» (с. 196). Во второй половине XIX в. «нехватка естественных пастбищ в высокогорных местах Восточного Присаянья делала необходимым четыре перекочевки в течение года» (с. 303). Рост численности бурят в это же время в Западном Забайкалье вызвал дефицит пастбищ, «повлиявший, в свою очередь, на частоту перекочевок» (с. 330). Данные по скотоводческому хозяйству казахов XVIII – начала XX вв. показывают, что ограниченность пастбищных угодий вызывает рост интенсивности перекочевок лишь у зажиточных скотоводов. У беднейшей части населения в этих условиях получает развитие тенденция

к седентаризации. Следует подчеркнуть, что интенсивность перекочевок возрастает, прежде всего, в связи с увеличением количества скота в стаде, что ведет к более интенсивному стравливанию пастбищ и, как следствие, к необходимости их частой смены.

Противоречия в сведениях информаторов о расположении осенних и весенних стоянок (с. 303), на наш взгляд, вполне объяснимы. Так, ранней весной башкиры лесостепной зоны Зауралья выпасали скот в непосредственной близости от зимних поселений. После того, как скот окреп, его перегоняли на весенний, а затем – на летние и осенние (чаще всего те же весенние) пастбища. Поздней осенью, до первых снегов, скот выпасался опять же в непосредственной близости от зимних поселений.

Некоторые утверждения, приводимые в диссертации, не подкреплены, на наш взгляд, конкретными данными и потому представляются не вполне убедительными. Так, А.А. Бадмаев совершенно справедливо отмечает, что природная среда Юго-Восточной Сибири, включающая разные экологические зоны, обусловила сложение различных форм скотоводческого хозяйства – от моноотраслевого номадного до комплексного скотоводческо-земледельческого (с. 65). Однако, конкретными данными этот тезис, к сожалению, не подкреплен.

На с. 67 отмечается, что «основная масса монгольских мигрантов, поселившихся в XVII в. в Предбайкалье и Прибайкалье, была вынуждена переходить к менее мобильным формам скотоводства». Однако, чем конкретно был вызван этот переход остается не ясным. На этой же странице отмечается. что «развитие скотоводческого хозяйства бурят было обусловлено не только природно-географическими условиями Байкальского региона, но и воздействием внешнего фактора, который был связан с их взаимоотношениями с доминировавшей в средневековой Монголией кочевой цивилизацией». А каково конкретное содержание этого «внешнего фактора», как он влиял на развитие скотоводческого хозяйства опять же не ясно.

Раздел 2.2. диссертационного исследования посвящен трансформациям в интерьере жилищ в первой половине XIX в. Здесь приводятся многочисленные наблюдения за его изменениями, вызванными теми или

иными факторами, но сам интерьер бурятского жилища первой половины XIX века никак не охарактеризован. Это затрудняет сравнение с интерьером бурятской юрты предшествующего времени. Остаются не ясными изменения в интерьере жилища под влиянием принятия бурятами православия.

Ряд приводимых А.А. Бадмаевым данных, требуют, на наш взгляд, объяснений, которых, мы, к сожалению, не находим в работе. Впрочем, это можно рассматривать как обозначение круга проблем, требующих своего разрешения в будущем и намечающих направление дальнейших исследований.

Так, знакомство с данными официальной статистики начала XIX в. о формах хозяйства у инородцев Иркутского и Нижнеудинского уездов, приводимые диссертантом (с. 172), неизбежно вызывают вопрос о причинах такой значительной разницы в формах их хозяйства: скотоводческо-земледельческое, земледельческое, охотничье-рыболовное, скотоводческо-земледельческо-охотничье и скотоводческое у бурят и эвенков Иркутского уезда и скотоводческо-земледельческо-охотничье, охотничье-рыболовное и земледельческое у бурят и тофаларов.

На с. 179–180 автор диссертационного исследования фиксирует, что в первой половине XIX в. хозяйство верхоленских бурят «отличалось от экономики большинства территориальных групп бурят Предбайкалья». В этот же период у аларских бурят «не наблюдалось демографического прироста, не было у них и заметного перехода на полную оседлость». «Изменение пропорции между зимними и летними улусами произошло в промежутке с 1841 г… и 1847 г.». Возникает вопрос: «В чем причина этих явлений?».

На с. 234 отмечается, что «в культивировании картофеля в основном участвовали т. н. кочевые буряты». Но почему именно кочевые? Ссылка на то, что они «оценив его как второй хлеб, включили в питание» не отвечает на поставленный вопрос. Дело, вероятно, совсем в другом.

В первой половине XIX в. буряты Предбайкалья «перестают украшать женскую верхнюю одежду оловянными пластинами и колокольчиками», что было, как отмечает А.А. Бадмаев, «следствием изменений в представленческом

комплексе». Но, в чем заключаются эти изменения в диссертации, к сожалению, не раскрывается.

Требуют, возможно в дальнейшем, ответа и другие вопросы. Почему уменьшается доля оседлости у балаганских бурят в 1860-е годы? (с. 282). Чем объясняется слабая оседлость у верхоленских (3%) и кудинских (2,2%) бурят во второй половине XIX в. (с. 282–283) несмотря на активно, как утверждает А.А. Бадмаев, проводимую политику седентаризации? Чем объясняется разница в составе стада у разных территориальных групп бурят Предбайкалья? (с. 362). Почему у нижнеудинских бурят во второй половине XIX века была высока роль охоты и рыболовства? (с. 365). Чем вызван больший консерватизм культуры агинских бурят по сравнению с предбайкальскими? (с. 414–415).

Есть в диссертации и неточности в описании. Так на с. 308 говорится, что «пологая кровля утеплялась сверху слоем дерна, насыпанного на берестяную основу». Дерн не насыпали, а укладывали. На с. 313 отмечается, что «крупный рогатый скот и овец переводили на стойловое содержание после первой декады ноября, когда семья окончательно обустраивалась на зимнике». Очевидно, что дело обстояло как раз наоборот – семья окончательно обустраивалась на зимнике, когда скот переводился на стойловое содержание, о чем, кстати, свидетельствуют данные о хозяйстве полукочевых зауральских башкир XIX в.

Отмеченные замечания, впрочем, ни в коей мере не умаляют значения представленной А.А. Бадмаевым работы. Вне всякого сомнения его диссертационное сочинение «Традиционная культура жизнеобеспечения бурят: генезис, эволюция, трансформация» является оригинальным и самостоятельным научным исследованием, подготовленным на высоком профессиональном уровне. Опираясь на широкий и представительный круг источников и литературы, диссертация освещает актуальную тему, имеющую важное значение для решения проблем традиционной культуры жизнеобеспечения народов Сибири и Центральной Азии.

Результаты диссертационного исследования прошли достаточную апробацию на всероссийских и международных симпозиумах и конференциях. Основные положения диссертации отражены в авторской монографии и

60 научных статьях, в том числе в 20 статьях в изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Содержание автореферата полностью соответствует основным положениям диссертации.

Учитывая актуальность выполненного исследования, научную новизну, теоретическую и практическую значимость полученных результатов считаю, что представленная диссертация соответствует требованиям пунктов 9–14 положения «О порядке присуждения учёных степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842, и её автор Бадмаев Андрей Андреевич может быть рекомендован к присуждению учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография. этнология и антропология.

Официальный оппонент,
директор Научно-образовательного
центра евразийских исследований, профессор
кафедры международных отношений и
зарубежного регионоведения
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский
государственный университет
(национальный исследовательский
университет)», доктор исторических наук
по специальности 07.00.06 – археология
Таиров Александр Дмитриевич

04.12.2017

Россия, 454080 Челябинск, проспект Ленина, 76. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»
Тел.: +7 (351) 267-99-00; e-mail: admin@susu.ru

Подпись А.Д. Таирова
Дата 04.12.2017 г.
Заверяю: начальник отдела кадров работников
университета Управления по работе с кадрами
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)» Н.С. Минакова